

го конструкта в том его виде, каком тот был актуализирован в середине XX ст. Самым оптимистическим выглядит Ж.-П. Сартр попросту объявивший экзистенциализм гуманизмом. Сосредоточенность на социально-личностном негативе (Ж.-П. Сартр), призыв к Бунту (А. Камю), предложение по переопределению понятия (М. Хайдеггер) не могут служить теоретической основой конструирования величественного здания современного гуманизма. По отношению европейского экзистенциализма к гуманизму можно с полным правом утверждать его нейтрально-деструктивную роль. В то же время отдельные позитивные смысловые конструкты экзистенциализма, отмеченные в работе, могут войти в теорию интегрального гуманизма эпохи постмодерна.

Библиографические ссылки

1. **Бофре Жан.** Диалог с Хайдеггером / Жан Бофре // Новоевропейская философия : в 4 т. – СПб. : Изд-во «Владимир Даль», 2007. – Т. 2. – С. 4–26.
2. **Камю А.** Изнанка и лицо / А. Камю. – М. : ЗАО Изд-во «ЭКСМО-Пресс»; Харьков : Изд-во «Фолио», 1998. – 864 с.
3. **Кудрявцев О. Ф.** Ренессанс как гуманизм и утопия / О. Ф. Кудрявцев. – М. : Наука, 1991. – 288 с.
4. **Мамардашвили М. К.** Категория социального бытия и метод его анализа в экзистенциализме Сартра / М. Мамардашвили // Современный экзистенциализм: критические очерки. – М. : Наука, 1996. – С. 149–204.
5. **Мильнер-Иринин П. И.** Этика или принципы истинной человечности / П. И. Мильнер-Иринин. – М. : Наука, 2004. – 520 с.
6. **Сартр Ж.-П.** Критика диалектического разума. Опыт феноменологической онтологии / Ж.-П. Сартр. – М. : Республика, 2000. – 639 с.
7. **Сартр Ж.-П.** Экзистенциализм – это гуманизм / Ж.-П. Сартр. – М. : Наука, 1953. – 42 с.
8. **Хайдеггер М.** Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Бытие и время. – М. : Ад Маргинем, 1997. – 452 с.
9. **Чеснокова Т.** Пост-человек. От неандертальца к киборгу / Т. Чеснокова. – М. : Алгоритм, 2008. – 367 с.

Надійшла до редколегії 19.01.11

УДК 165.74

Д. А. Иванченко

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ ДЖОНОМ ДЬЮИ

Розглядається інтерпретація історії філософії з позиції філософії американського прагматизму. Висвітлюється історико-філософська складова теорії

Джона Дьюї як представника цього філософського напрямку. Характеризують погляд філософа на історичну функцію філософської думки.

Ключові слова: американський прагматизм, історія, метод, інтерпретація, думка.

Рассматривается интерпретация истории философии с позиции философии американского прагматизма. Освещается историко-философская составляющая теории Джона Дьюи как представителя этого философского течения. Характеризуется взгляд философа на историческую функцию философской мысли.

Ключевые слова: американский прагматизм, история, метод, интерпретация, мысль.

Философскоенаправлениетечение

The interpretation of the history of philosophy from the position of American pragmatism has been examined. The historical and the philosophical part of John Dewey's theory as a representative of this philosophical movement have been described. The philosopher's view towards the historical function of the philosophical thought has been characterized.

Keywords: the American pragmatism, a history, a method, interpretation, an idea.

Актуальность темы состоит в недостаточной на данный момент представленности философской традиции американского прагматизма в ее отношении к истории философии, в частности, историко-философских взглядов выдающегося представителя этого течения Джона Дьюи. Тема является практически не исследованной, так как те работы Джона Дьюи, которые имеют непосредственное отношение к проблематике статьи, на русском языке не издавались, что ограничило отечественных исследователей в их творческом поиске и возможности научного изучения творчества мыслителя в разноплановом и всестороннем объеме.

Целью данной статьи является попытка открыть для современных исследователей истории философии новый аспект философской теории Джона Дьюи, а именно – ее историко-философскую составляющую. *Основной задачей* статьи является рассмотрение исторической функции философской мысли в ее ретроспективном анализе. *Объектом* исследования послужила философия американского прагматизма. *Предметом* исследования послужили историко-философские взгляды Джона Дьюи.

Джон Дьюи не написал ни одного раздела своих работ, который не был бы определенным образом связан с историей философской мысли. «Научная мысль, сама по себе, в конечном итоге есть функцией воображения, обогащающей жизнь значением вещей. Значимая история живет в человеческом воображении, философия же является дальнейшим путешествием воображения в свои прежние достижения» [1, с. 5]. И, как подтвердит любой исследователь творчества Джона Дьюи, страницы работ этого философа пропитаны короткими, но зачастую красноречивыми набросками этих образов – как, к примеру, проникновение в суть философии Спинозы в работе «Поиск Достоверности» («Quest for Certainty»), портрет Френсиса Бэкона в работе «Реконструкция в Философии» («Reconstructio-

in Philosophy») или многие другие работы, в которых Дьюи отдаст дань тому, что описывали в своих трудах древнегреческие мыслители.

Никто так не настаивал, как Джон Дьюи на том, что конечная цель знания – делать вклад в как можно наибольшее распространение и разделение такого рода значений, при условии, что последние будут рассмотрены в таком как они есть виде, в качестве образов человеческого воображения, а не в качестве раскрытия вечной истины. Дьюи пишет: «Поэтические значения, значения моральные, большая часть жизненно необходимых продуктов есть предметом богатства и свободы скорее значений нежели истины... Так как, несомненно, студент ценит исторические системы скорее за те значения и тени значений, которые они обнаруживают, нежели за то хранилище конечных истин, которые они устанавливают» [2, с. 411].

То, где Джон Дьюи подходит наиболее близко к описанию истории, как в своей работе «Реконструкция в Философии», – является не чем иным, как следованием нити развития метода. Для Дьюи фундаментальным в истории философии является скорее метод, нежели образ, тот рефлексивный и критический метод, который своей целью имеет реорганизацию и реконструкцию верований.

В то же время, Дьюи не высказал какого-либо ярко выраженного отношения к истории интеллектуального метода. В этом вопросе он также был более увлечен созданием истории, нежели ее написанием. При этом он использовал свой богатый запас исторического знания не для того, чтобы показать свою глубокую эрудицию, а в качестве материала, примененного для решения насущных проблем логики исследования. Только благодаря своей глубиной заинтересованности ближайшим будущим, он пытался добиться наибольшего успеха с учетом ошибок прошлого. Будучи глубоко убежденным в непрерывности человеческого мышления, он рассматривал предшествующую мысль всегда в качестве инструмента, при помощи которого придание новой формы может использоваться для того, чтобы помочь нам в решении нашей теперешней неудовлетворенности. Прошлое, согласно его представлениям, является чрезвычайно значимым, но быть значимым означает быть значимым для чего-либо, а это что-либо здесь – интеллектуальные проблемы, которые сегодня ставит перед нами намеченное будущее.

Вместо того чтобы восхвалять прошлое, Дьюи предоставляет эту возможность другим. Таким образом, по отношению к истории философии его отношение не многим отличается от подобного отношения к истории философии у химика или биолога: все они рассматривают хронику человеческих достижений как арсенал или предупреждение, но не как полученный в наследство особняк, который необходимо с любовью наследовать.

Наиболее фундаментальным, нежели любая из отдельных интерпретаций истории философии, является взгляд Дьюи на историческую функцию самой философской мысли. По своему существу, философия есть феноменом человеческой культуры. Основной ее природой есть та роль, которую она сыграла в истории цивилиза-

ций. По этому поводу он пишет: «Подойдите к истории философии под любым углом и с любого сечения, с которого бы вы ни пожелали... и Вы увидите склад традиций из бессмертного прошлого... Жизнью мысли есть способность к соединению в некоторой точке нового и старого, глубоко укоренившихся обычаев и неосознанных желаний, обративших на себя внимание некоторым конфликтом с недавно появившимися направленностями действия» [1, с. 6–8].

Философская традиция Западного мира сформировалась в Элладе и греческие мыслители, в свою очередь, заложили ее принципы. «Даже если эти принципы не всегда обоснованы, невозможно понять отправные точки и новшества отдельно без отнесенности к греческой мысли» [3, с. 119].

Но сформулированные и переданные Западу греками проблемы не разворачиваются в сознании отдельных, хотя и выдающихся мыслителей. Скорее Греция, а в особенности Афины была интеллектуальным зеркалом, в котором люди впервые увидели отчетливое отражение основных проблем и затруднений, возникающих в коллективном отношении человека к природе и к себе подобным. «Эти первопричины подтверждают то, что такие проблемы есть не что иное как формулировки сложностей существующих в самом коллективном опыте, при условии, что опыт есть достаточно свободным и при условии, что попытки спланированного контроля представляют в типичной форме те основные трудности, с которыми должна считаться человеческая мысль» [3, с. 119].

Греческая жизнь предлагала как типичные конфликты социального опыта человека, так и интеллектуальную свободу, рожденную при отсутствии власти священнослужителей и скорее поэтическую, нежели догматическую формулировку религиозных верований, для того, чтобы рефлектировать над ними, рационализировать их в общих понятиях и пытаться постигнуть их разумом.

Будучи уверенными в их обществе как в быстром потоке и пропитанные чувством человеческой способности к манипулированию своими материалами, греческие мыслители разработали программы морального и политического поведения в том природном окружении, которое они могли оценить и понять. Греки построили интеллектуальный мир: они изобрели идеи, понятия и различия, посредством которых они могли создать упорядоченную интеллектуальную жизнь. С поры их достижений было предпринято немало попыток использования греческой мысли для интерпретации нового или чуждого опыта, для решения новых социальных проблем и создания новых систем ценностей. Люди с востока применили греческую мысль для выражения религиозной теократии, христиане – для рационализации иудео-восточной религиозной традиции, схоласты – для организации средневекового общества и культуры, представители современности – для понимания и создания рационального и последовательного научного метода и для приведения в соответствие своей унаследованной мудрости к мирским и промышленным ценностям современного мира.

Каждый из этих эпизодов приводил к реконструкции греческой мысли и каждый исключал первоначальные идеи. Как результат – возникло замешательство, несмотря на богатую и плодотворную массу интеллектуальных ресурсов. Всегда существовали конфликты между старыми идеями и новыми способами поведения, приводившими человека к мыслительному поиску, которым является философия, столкновением нового опыта с традиционными верованиями и ценностями, подталкивающими их на построение своих систем и программ, возникновение новых идей неподходящих или логически несовместимых со старыми идеями, которые, несмотря на это, должны каким либо образом быть приспособлены к ним и встроены в привычную модель жизни и мышления.

Философские проблемы возникают там, где борьба идей и опыта отбрасывает людей назад к фундаментальным предположениям в любой области, которые должны пониматься только как выражения основных конфликтов внутри культуры и сводить людей к бескомпромиссному критицизму. Философия сама по себе есть мыслительно-выраженным процессом культурного обмена, она есть интеллектуальной фазой того процесса, при помощи которого разрешаются и сдерживаются конфликты внутри цивилизаций. Цивилизация, которая развивалась стабильно и статично, могла унаследовать философию, но сама она не создает никакой философской мысли.

Ясно здесь то, как такого рода взгляд на историческую функцию философии в человеческой культуре объединяет ценностные вопросы со своей сущностью. Изменения философских проблем и мысли – все в своей основе фокусируются на новых акцентах и на новых перераспределениях в значимости ценностей. Так как каждая философия, отмечает Джон Дьюи, «в своем следствии, не будучи общепризнанной попыткой, есть интерпретацией человека и природы на основе некоторой программы всесторонних целей и политик... Каждая система... есть скрытая рекомендация определенных типов ценностей как нормативная в управлении человеческим поведением... Это родовое определение философии с указанием на то, что она озадачена проблемами бытия и присутствия с позиции ценностей, а не с позиции простого существования» [3, с. 122].

В свете этой интерпретации не сложно увидеть то, почему слово «реконструкция» так дорого для Джона Дьюи. Жизнь мысли как в своей наипростейшей, так и в своей величайшей форме есть реконструкцией подручного ей материала. Современная реконструкция состоит из критики, осторожной оценки, точного определения сил и возможностей, с их границами и возможностями, контроля и проверки ценностей, передаваемых традицией и предлагаемых эмоцией. Но она также требует свободы от узрительных построений, поиск новых гипотез и более плодородных принципов.

За свою долгую историю философия снова и снова упрощала принятые верования, вписывала их в новые и более узкие рамки, определяла их функции более эффективно и определенно. Но она, в то же время, давала жизнь новым свежим и оригинальным идеям. Про-

стое скоплення наблюдений, неоплодотворенных и неуправляемых теорий, невозможно найти ни в истории, ни в процедуре научного исследования. «Возникновение современной науки должно пониматься как замещение новыми всеобъемлющими и ведущими идеями для тех, кто их заблаговременно получил путем совершенствования средств и приборов наблюдения. Наличием острой необходимости, всеобъемлющие руководящие гипотезы в своей первоначальной формулировке относятся скорее к философии, нежели к науке» [3, с. 125].

В двенадцатой главе работы «Логика: Теория Исследования» Джон Дьюи приводит прекрасный анализ исторического метода, который объясняет то, почему исторические суждения должны быть направлены на проблемы настоящего. Здесь описывается наиболее пронизывающее утверждение теории Дьюи, которая основывается на его собственной практике.

«Так как культура меняется, концепции, являющиеся доминирующими в культуре, также поддаются изменению... И тогда саму историю переписывают. Материал, который был прежде пройден, предлагает себя в качестве данных, так как новые концепции предлагают для разрешения новые проблемы, требующего нового фактического материала для заключения и проверки... Все исторические конструкции с необходимостью являются выборочными... Если факт отбора общепризнан в качестве первичного и основного, мы делаем заключение о том, что вся история, с необходимостью, написана с позиции настоящего, и есть, с неизбежностью, историей не только настоящего, но и того, что одновременно признано в качестве важного в настоящем... интеллектуальное понимание прошедшей истории есть в некотором роде рычагом для перемещения настоящего в определенного рода будущее... У людей есть свои проблемы, которые необходимо решить, свои способы приспособления к ним. Они сталкиваются с будущим, но ради настоящего, а не будущего. Использую то, что досталось им как наследие прошлого, они вынуждены трансформировать его для удовлетворения своих личных потребностей, и этот процесс создает новое настоящее, в котором продолжается развитие. История не может избежать своего собственного развития» [4, с. 233–239].

Но, наводящие на мысль, детали этого функционального осмысления исторического понимания, не являющиеся такими важными, как настоящие на том, что историческое знание имеет функцию, что оно функционально. Оно предстает перед нами с материалом для критики и использования. Этот факт имеет далеко идущие последствия интерпретации истории философии Джоном Дьюи.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что такого рода интерпретация осуществлена путем внимательного отношения к тому, что является существенным и важным для проблем, которые, по мнению Джона Дьюи, важны в настоящем времени.

Библиографические ссылки

1. Dewey J. Philosophy and Civilization / John Dewey. – New York: Minton, Balch, 1931. – 231 p.

ISBN 978-966-551-310-0 Філософія і політологія в контексті сучасної культури

2. Dewey J. Experience and Nature. Open Court / John Dewey. – Chicago, 1925.
3. Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 12. – New York: Macmillan, 1934.
4. John D. Logic: The Theory of Inquiry / John Dewey. – New York: Holt, 1938. – 252 p.

Надійшла до редколегії 05.01.11

УДК 111.852

С. В. Калтишев

Східноукраїнський національний університет
ім. Володимира Даля (м. Луганськ)

ПРОБЛЕМА АНАЛІЗУ ЕСТЕТИКИ ФРІДРІХА НІЦШЕ

Аналізується естетична теорія Ф. Ніцше. Робиться висновок, що найважливішою метою його вчення є подолання нігілізму за допомогою діонісійського мистецтва.

Ключові слова: естетика, культура, надлюдина, мистецтво, мораль, християнство, воля до влади, нігілізм.

Анализируется эстетическая теория Ф. Ницше. Делается вывод, что важнейшей целью его учения является преодоление нигилизма с помощью донисийского искусства.

Ключевые слова: эстетика, культура, сверхчеловек, искусство, мораль, христианство, воля к власти, нигилизм.

In the article F. Nietzsche's aesthetic theory is analyzed. The author concludes that the most important intention of his doctrine is to overcome nihilism with the help of Dionysian art.

Keywords: aesthetics, culture, Übermensch, art, morality, Christianity, the will to power, nihilism.

Постановка наукової проблеми та її значення. Протягом останніх років у філософських колах багато говорять про актуальність дослідження творчої спадщини Фрідріха Вільгельма Ніцше (1844–1900), хоча вже й минуло більш ніж сто років після першого знайомства вітчизняної публіки з його творами.

Через вже сформовану у країнах СНД традицію інтерпретації творів Ніцше, може здатися, ніби його філософія є достатньо дослідженою. Зазвичай вона розглядається в рамках етики або культурології, але аж ніяк не комплексно – як метафізика, що у книгах Ніцше ототожнюється з естетикою.

Саме питання про цілісність творчої спадщини Ніцше понині залишається відкритим. Між тим цілісність філософії Ніцше чітко проявляється у його естетичних поглядах; і тому дослідження есте-